

К 90-летию со дня рождения Владимира Маяковского

Отечество славлю, которое есть, но трижды — которое будет

Завещавший борьбу
БОРИС ОЛЕЙНИК,
секретарь правления
Союза писателей СССР

— Поэт — всегда сын своего времени. И истинность его определяется прежде всего тем, насколько точно он отображает в своих стихах образ времени. В этом плане Владимир Маяковский — целая эпоха в мировой поэзии.

Как новатор в языковой стихии, он близок к Пушкину и Шевченко, которые, смело преодолевая барьеры «нормативных грамматик», открыли и утвердили почти бесконечные, универсальные возможности слова.

Как гражданин многонациональной страны, который прозорливо осознавал рождение новой исторической общности и первым в поэзии утвердил ее («Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза»), Маяковский не имеет себе равных.

Новатор, которого в смелых исканиях не останавливали общепринятые нормы и литературные авторитеты, он был и остался истинно русским национальным поэтом по духу, по тональности и характерам. Гордо декларируя: «Я русский был выучил только за то, что им разговаривал Ленин», он одновременно с любовью и глубоким уважением истинного интернационалиста относился ко всем языкам и нациям.

Владимир Маяковский был человеком истинно гражданского мужества. Напомню факт из его биографии. В 1908 году его арестовала полиция по делу о подпольной большевистской типографии. Учитывая несовершеннолетие, он мог бы ожидать «поблажки» от властей. Маяковский прибавляет себе... два года, чтобы только наравне со своими старшими товарищами по борьбе принять удар.

Для меня Маяковский — не только великий поэт, а и сама суть поэзии как таковой, суть, которая гласит: поэзия всегда, со дня своего рождения, была и остается социально «мобилизованной и призванной». И эта истина ныне, когда проблема войны и мира касается каждого из нас, как никогда важна и современна!

Я знаю — саду цвести

М. РЕШЕТИКОВ,
бригадир ордена Ленина
шахты «Зырянская»,
Герой Социалистического Труда

В стихотворении «Рассказ Хренова о Кузнецком и людях Кузнецка» Владимир Маяковский написал пророческие строки: «Я знаю — город будет, я знаю — сады цвести...»

Да, сегодня есть такой город — наш полумиллионный, дважды орденосный Новокузнецк. Один из крупнейших промышленных центров на востоке страны, город-труженик.

Красивый город. Генеральный план его развития составлен не столичными, а местными архитекторами. Им же доверено своею право создать собственную серию современных крупнопанельных домов. Может быть, поэтому Новокузнецк имеет свой неповторимый облик.

И сады цветут. У нас 65 скверов, 17 парков и зон отдыха. В нынешней пятилетке добавилось девять гектаров цветников, посадили свыше 129 тысяч деревьев, вдвое больше кустарников. Ежегодно на благоустройство расходуется свыше 10 миллионов рублей. Кроме того, каждый старается, чтобы его дом, его улица, его квартал, а значит, и весь город, выглядели получше да понаряднее.

Такие в нашем Новокузнецке люди — советские люди, твердо знающие свое место в общем рабочем строю страны, готовые внести достойный вклад в великое общенародное дело.

НОВОКУЗНЕЦК.

ПОЭТИЧЕСКИЙ мир Маяковского, поражающий своей яркой оригинальностью, покоряет нас идеями и духовным богатством, трудно поддающейся анализу силой воздействия. И если при первом знакомстве в нем, как в неизвестной стране, обращает на себя внимание необычность, прежде всего необычность формы выражения мысли и чувства — использование слова, образа, ритма, рифмы, то по мере углубления в этот мир, убеждаешься, что имеешь дело не с простым стремлением к оригинальности во что бы то ни стало, а с открытием новых возможностей и нового пути в поэзии.

Разумеется, этого не произошло бы, не обладая Маяковский органической предрасположенностью к новаторству. И эту особенность его таланта, как известно, пытался использовать в своих интересах некоторые его мало одаренные, но жаждавшие известности «покровители», придавая его выступлениям театрально-рекламный характер. Не следует забывать, что Маяковский вступал на путь искусства в условиях, когда литературная борьба приобрела болезненный характер конкуренции многочисленных модернистских групп — за славу «новаторов» в области чистого «формотворчества». Однако он, и примкнув к группе футуристов, отдав некоторую дань формальным изыскам, сумел уберечь самобытность

своего таланта, революционно развил коренные свойства русской поэзии — гражданственность, интерес к большим социальным темам.

Вспомним, что в центре поэтического мира молодого Маяковского — образ страдающего человека. Этим определяется и его образная

система: люди-калеку (трагедия «Владимир Маяковский»), если в их мир заглядывает солнце, то это раненое солнце с вытекающим глазом; не располагает к восторгам и любимица поэтов, а теперь никому не нужная дряблая луна. Ущербный, обездоленный мир. Но у Маяковского это уже мятежный мир. Он бунтует. Во имя свободного человека и создания достойных его условий жизни. Ведь человек в своей сущности прекрасен (поэма «Человек»). И не его вина, что ему предпечтено золотоворот франков, долларов, рублей, крон, иен, марок. Не его вина, что в результате деятельности крышарей наживаются и гибнет природа, «гнет земля». А ведь она, земля, достойна любви.

Весь мир требует преобразования — вот смысл поэтиче-

ской образности раннего Маяковского.

С победой Великого Октября поэтический мир Маяковского резко меняется, обретая новую тональность, но сохраняясь в своей гуманистической основе. Прозрачный и человек, и мир. Отверженный и отчужденный человек сливается с миллионами, чувствует себя соучастником великого преобразования жизни, солнце стало другим, соратником поэта («Необычайное приключение...»). Земля предстает в нем чем не изуродованной, сверкающей красоте: «Зеленую лягу луг, выставил дно дымам».

Тема земли, как известно, одна из центральных в советской многонациональной литературе и искусстве (вспомним романы М. Шолохова, Ф. Панферова, поэмы Д. Бедного, А. Твардовского, «Землю» А. Довженко). Для Маяковского земля — конкретная основа жизни и счастья народа. В «Мистерии-буфф» это олицетворение осуществившейся извечной мечты землелюба: «Она! Родимая земля!» — восторгается всегда ломавший хребет на чужой

земле батрак. В поэме «Владимир Ильич Ленин» — один из мотивов безграничной благодарности народа вождю: Он земли велел называть своими, что дедам в гробах, засеченным, снятся.

А в Октябрьской поэме «Хорошо!» это уже не только отнятая у помещика и полученная благодаря Ленину, революцией крестьянином земля — это уже Родина, Отечество.

Так черпая эволюцию образа земли проступает история страны, идейно — творческий рост самого поэта.

Когда говорят: «Маяковский — политический поэт», отмечают лишь видимую часть айсберга. Да, он смело откликался на политические события эпохи, но политика никогда не была для него только темой. Она определяла самую суть его поэтического таланта, и поэтому политические, гражданские стихи причисляли, как правило, лирический характер.

Политика у Маяковского обрела нравственное значение. Нравственным содержанием — была для меня в том необходимость или нет. В 10 часов утра Маяковский садился работать в своей комнате. Это было непреложно.

Первое время я удивлялся. Мне казалось, что такая строгая организованность труда никак не вяжется с его натурой. Потом я к этому привык и всегда преклонялся перед такой дисциплиной. Работал он непрерывно 3 — 4 часа. Иногда, вернувшись домой, я обнаруживал, что в результате этих упорных занятий рождалась только одна-единственная строка. Но она — принесли! — поэту, большое моральное удовлетворение.

Маяковский всегда должен был находиться в самом пекле любой борьбы. Он в одинаковой степени проявлял заинтересованность в том, чтобы недругов и противников у него было не меньше, чем друзей. Его буквально взрывала изнутри потребность с бою отстаивать свои взгляды, позиции, отношение к жизни и поэзии.

...О смерти Маяковского я узнал в Тифлисе, перед премьерой моего спектакля в театре имени Марджанишвили. Я суетился за кулисами. Была горячая последняя приготовления перед открытием занавеса, когда за кулисы вошел Б. Буахидзе. Он попросил меня сесть. Такое предложение и в такой момент было более чем неуместным. Но, увидев, как он напряжен и взволнован, я повиновался.

Сейчас с этой сцены я должен сообщить публике, что нет больше Владимира Маяковского. Мне хотелось, чтобы ты узнал об этом раньше других.

Помню, как я долго и бесмысленно открывал и закрывал дверцу какого-то шкафчика. Я уже больше не мог ни на чем сосредоточиться, но и ни на секунду не мог отрешиться от этого страшного сообщения. И тогда я впервые нарушил слово, данное когда-то другу, — я закурил...

...К 10 часам утра уходил из дому — была для меня в том необходимость или нет. В 10 часов утра Маяковский садился работать в своей комнате. Это было непреложно.

Первое время я удивлялся. Мне казалось, что такая строгая организованность труда никак не вяжется с его натурой. Потом я к этому привык и всегда преклонялся перед такой дисциплиной. Работал он непрерывно 3 — 4 часа. Иногда, вернувшись домой, я обнаруживал, что в результате этих упорных занятий рождалась только одна-единственная строка. Но она — принесли! — поэту, большое моральное удовлетворение.

Маяковский всегда должен был находиться в самом пекле любой борьбы. Он в одинаковой степени проявлял заинтересованность в том, чтобы недругов и противников у него было не меньше, чем друзей. Его буквально взрывала изнутри потребность с бою отстаивать свои взгляды, позиции, отношение к жизни и поэзии.

...О смерти Маяковского я узнал в Тифлисе, перед премьерой моего спектакля в театре имени Марджанишвили. Я суетился за кулисами. Была горячая последняя приготовления перед открытием занавеса, когда за кулисы вошел Б. Буахидзе. Он попросил меня сесть. Такое предложение и в такой момент было более чем неуместным. Но, увидев, как он напряжен и взволнован, я повиновался.

Сейчас с этой сцены я должен сообщить публике, что нет больше Владимира Маяковского. Мне хотелось, чтобы ты узнал об этом раньше других.

земле батрак. В поэме «Владимир Ильич Ленин» — один из мотивов безграничной благодарности народа вождю: Он земли велел называть своими, что дедам в гробах, засеченным, снятся.

А в Октябрьской поэме «Хорошо!» это уже не только отнятая у помещика и полученная благодаря Ленину, революцией крестьянином земля — это уже Родина, Отечество.

Так черпая эволюцию образа земли проступает история страны, идейно — творческий рост самого поэта.

Когда говорят: «Маяковский — политический поэт», отмечают лишь видимую часть айсберга. Да, он смело откликался на политические события эпохи, но политика никогда не была для него только темой. Она определяла самую суть его поэтического таланта, и поэтому политические, гражданские стихи причисляли, как правило, лирический характер.

Политика у Маяковского обрела нравственное значение. Нравственным содержанием — была для меня в том необходимость или нет. В 10 часов утра Маяковский садился работать в своей комнате. Это было непреложно.

Первое время я удивлялся. Мне казалось, что такая строгая организованность труда никак не вяжется с его натурой. Потом я к этому привык и всегда преклонялся перед такой дисциплиной. Работал он непрерывно 3 — 4 часа. Иногда, вернувшись домой, я обнаруживал, что в результате этих упорных занятий рождалась только одна-единственная строка. Но она — принесли! — поэту, большое моральное удовлетворение.

Маяковский всегда должен был находиться в самом пекле любой борьбы. Он в одинаковой степени проявлял заинтересованность в том, чтобы недругов и противников у него было не меньше, чем друзей. Его буквально взрывала изнутри потребность с бою отстаивать свои взгляды, позиции, отношение к жизни и поэзии.

...О смерти Маяковского я узнал в Тифлисе, перед премьерой моего спектакля в театре имени Марджанишвили. Я суетился за кулисами. Была горячая последняя приготовления перед открытием занавеса, когда за кулисы вошел Б. Буахидзе. Он попросил меня сесть. Такое предложение и в такой момент было более чем неуместным. Но, увидев, как он напряжен и взволнован, я повиновался.

Сейчас с этой сцены я должен сообщить публике, что нет больше Владимира Маяковского. Мне хотелось, чтобы ты узнал об этом раньше других.

Помню, как я долго и бесмысленно открывал и закрывал дверцу какого-то шкафчика. Я уже больше не мог ни на чем сосредоточиться, но и ни на секунду не мог отрешиться от этого страшного сообщения. И тогда я впервые нарушил слово, данное когда-то другу, — я закурил...

...К 10 часам утра уходил из дому — была для меня в том необходимость или нет. В 10 часов утра Маяковский садился работать в своей комнате. Это было непреложно.

Первое время я удивлялся. Мне казалось, что такая строгая организованность труда никак не вяжется с его натурой. Потом я к этому привык и всегда преклонялся перед такой дисциплиной. Работал он непрерывно 3 — 4 часа. Иногда, вернувшись домой, я обнаруживал, что в результате этих упорных занятий рождалась только одна-единственная строка. Но она — принесли! — поэту, большое моральное удовлетворение.

Маяковский всегда должен был находиться в самом пекле любой борьбы. Он в одинаковой степени проявлял заинтересованность в том, чтобы недругов и противников у него было не меньше, чем друзей. Его буквально взрывала изнутри потребность с бою отстаивать свои взгляды, позиции, отношение к жизни и поэзии.

...О смерти Маяковского я узнал в Тифлисе, перед премьерой моего спектакля в театре имени Марджанишвили. Я суетился за кулисами. Была горячая последняя приготовления перед открытием занавеса, когда за кулисы вошел Б. Буахидзе. Он попросил меня сесть. Такое предложение и в такой момент было более чем неуместным. Но, увидев, как он напряжен и взволнован, я повиновался.

Сейчас с этой сцены я должен сообщить публике, что нет больше Владимира Маяковского. Мне хотелось, чтобы ты узнал об этом раньше других.

Помню, как я долго и бесмысленно открывал и закрывал дверцу какого-то шкафчика. Я уже больше не мог ни на чем сосредоточиться, но и ни на секунду не мог отрешиться от этого страшного сообщения. И тогда я впервые нарушил слово, данное когда-то другу, — я закурил...

...К 10 часам утра уходил из дому — была для меня в том необходимость или нет. В 10 часов утра Маяковский садился работать в своей комнате. Это было непреложно.

Первое время я удивлялся. Мне казалось, что такая строгая организованность труда никак не вяжется с его натурой. Потом я к этому привык и всегда преклонялся перед такой дисциплиной. Работал он непрерывно 3 — 4 часа. Иногда, вернувшись домой, я обнаруживал, что в результате этих упорных занятий рождалась только одна-единственная строка. Но она — принесли! — поэту, большое моральное удовлетворение.

Маяковский всегда должен был находиться в самом пекле любой борьбы. Он в одинаковой степени проявлял заинтересованность в том, чтобы недругов и противников у него было не меньше, чем друзей. Его буквально взрывала изнутри потребность с бою отстаивать свои взгляды, позиции, отношение к жизни и поэзии.

...О смерти Маяковского я узнал в Тифлисе, перед премьерой моего спектакля в театре имени Марджанишвили. Я суетился за кулисами. Была горячая последняя приготовления перед открытием занавеса, когда за кулисы вошел Б. Буахидзе. Он попросил меня сесть. Такое предложение и в такой момент было более чем неуместным. Но, увидев, как он напряжен и взволнован, я повиновался.

земле батрак. В поэме «Владимир Ильич Ленин» — один из мотивов безграничной благодарности народа вождю: Он земли велел называть своими, что дедам в гробах, засеченным, снятся.

А в Октябрьской поэме «Хорошо!» это уже не только отнятая у помещика и полученная благодаря Ленину, революцией крестьянином земля — это уже Родина, Отечество.

Так черпая эволюцию образа земли проступает история страны, идейно — творческий рост самого поэта.

Когда говорят: «Маяковский — политический поэт», отмечают лишь видимую часть айсберга. Да, он смело откликался на политические события эпохи, но политика никогда не была для него только темой. Она определяла самую суть его поэтического таланта, и поэтому политические, гражданские стихи причисляли, как правило, лирический характер.

Политика у Маяковского обрела нравственное значение. Нравственным содержанием — была для меня в том необходимость или нет. В 10 часов утра Маяковский садился работать в своей комнате. Это было непреложно.

Первое время я удивлялся. Мне казалось, что такая строгая организованность труда никак не вяжется с его натурой. Потом я к этому привык и всегда преклонялся перед такой дисциплиной. Работал он непрерывно 3 — 4 часа. Иногда, вернувшись домой, я обнаруживал, что в результате этих упорных занятий рождалась только одна-единственная строка. Но она — принесли! — поэту, большое моральное удовлетворение.

Маяковский всегда должен был находиться в самом пекле любой борьбы. Он в одинаковой степени проявлял заинтересованность в том, чтобы недругов и противников у него было не меньше, чем друзей. Его буквально взрывала изнутри потребность с бою отстаивать свои взгляды, позиции, отношение к жизни и поэзии.

...О смерти Маяковского я узнал в Тифлисе, перед премьерой моего спектакля в театре имени Марджанишвили. Я суетился за кулисами. Была горячая последняя приготовления перед открытием занавеса, когда за кулисы вошел Б. Буахидзе. Он попросил меня сесть. Такое предложение и в такой момент было более чем неуместным. Но, увидев, как он напряжен и взволнован, я повиновался.

Сейчас с этой сцены я должен сообщить публике, что нет больше Владимира Маяковского. Мне хотелось, чтобы ты узнал об этом раньше других.

Помню, как я долго и бесмысленно открывал и закрывал дверцу какого-то шкафчика. Я уже больше не мог ни на чем сосредоточиться, но и ни на секунду не мог отрешиться от этого страшного сообщения. И тогда я впервые нарушил слово, данное когда-то другу, — я закурил...

...К 10 часам утра уходил из дому — была для меня в том необходимость или нет. В 10 часов утра Маяковский садился работать в своей комнате. Это было непреложно.

Первое время я удивлялся. Мне казалось, что такая строгая организованность труда никак не вяжется с его натурой. Потом я к этому привык и всегда преклонялся перед такой дисциплиной. Работал он непрерывно 3 — 4 часа. Иногда, вернувшись домой, я обнаруживал, что в результате этих упорных занятий рождалась только одна-единственная строка. Но она — принесли! — поэту, большое моральное удовлетворение.

Маяковский всегда должен был находиться в самом пекле любой борьбы. Он в одинаковой степени проявлял заинтересованность в том, чтобы недругов и противников у него было не меньше, чем друзей. Его буквально взрывала изнутри потребность с бою отстаивать свои взгляды, позиции, отношение к жизни и поэзии.

...О смерти Маяковского я узнал в Тифлисе, перед премьерой моего спектакля в театре имени Марджанишвили. Я суетился за кулисами. Была горячая последняя приготовления перед открытием занавеса, когда за кулисы вошел Б. Буахидзе. Он попросил меня сесть. Такое предложение и в такой момент было более чем неуместным. Но, увидев, как он напряжен и взволнован, я повиновался.

Сейчас с этой сцены я должен сообщить публике, что нет больше Владимира Маяковского. Мне хотелось, чтобы ты узнал об этом раньше других.

Помню, как я долго и бесмысленно открывал и закрывал дверцу какого-то шкафчика. Я уже больше не мог ни на чем сосредоточиться, но и ни на секунду не мог отрешиться от этого страшного сообщения. И тогда я впервые нарушил слово, данное когда-то другу, — я закурил...

...К 10 часам утра уходил из дому — была для меня в том необходимость или нет. В 10 часов утра Маяковский садился работать в своей комнате. Это было непреложно.

Первое время я удивлялся. Мне казалось, что такая строгая организованность труда никак не вяжется с его натурой. Потом я к этому привык и всегда преклонялся перед такой дисциплиной. Работал он непрерывно 3 — 4 часа. Иногда, вернувшись домой, я обнаруживал, что в результате этих упорных занятий рождалась только одна-единственная строка. Но она — принесли! — поэту, большое моральное удовлетворение.

Маяковский всегда должен был находиться в самом пекле любой борьбы. Он в одинаковой степени проявлял заинтересованность в том, чтобы недругов и противников у него было не меньше, чем друзей. Его буквально взрывала изнутри потребность с бою отстаивать свои взгляды, позиции, отношение к жизни и поэзии.

...О смерти Маяковского я узнал в Тифлисе, перед премьерой моего спектакля в театре имени Марджанишвили. Я суетился за кулисами. Была горячая последняя приготовления перед открытием занавеса, когда за кулисы вошел Б. Буахидзе. Он попросил меня сесть. Такое предложение и в такой момент было более чем неуместным. Но, увидев, как он напряжен и взволнован, я повиновался.

независимость, свободу и социализм. Во Вьетнаме Маяковский воспринимается не как зарубежный поэт, пришедший к нам издали, а как непосредственный участник борьбы. Его имя для нас стало дорогим и близким. Как своего воспринимали Маяковского поэты освободившихся и борющихся за свободу стран Азии, Африки, пылающего континента — Латинской Америки. Поэты всех народов. В его поэзии они находят самое яркое выражение идеалов Великого Октября.

Алексей МЕТЧЕНКО,
профессор, доктор филологических наук.

КАК ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ ГОВОРЯ

Маяковский и кино... Это — поистине неслыханная тема, хотя, казалось бы, при жизни поэта кинематограф еще делал свои первые шаги, еще был «немой». Маяковский сразу почувствовал великое будущее искусства экрана. Писал для него сценарии, сам снимался как актер. Мечтал о новых работах в кино.

И кино платит ему взаимную любовь. Были экранизации многих его произведений, пьесы «Клоп» и «Баня», сняты картины «Маяковский начинается так», «Маяковский смеется и другие». Но великое творчество поэта имело еще и огромное влияние на становление, на формирование активной гражданской позиции кинематографистов разных стран. Об этом — наш разговор с гостями и участниками XIII Международного кинофестиваля в Москве.

Хуан Антонио Бардем, кинорежиссер (Испания):

— Стихи трудно переводить. Но когда поэзия совершенна по мысли и красоте чувства, она преодолевает языковые барьеры, она становится великим явлением и на другом языке. Так я воспринимаю и поэзию Владимира Маяковского, революционера и новатора в искусстве. Она как факел, на который устремлены взгляды всего мирового человечества. Стихи Маяковского, выражающие революционные идеи своего времени, остры, современны, необходимы сегодня. Они учат жить, бороться, побеждать. Для меня Маяковский и политик тонкий, умный, принципиальный и прозорливый. Он и сегодня пример для тех, кто хотел бы сказать свое слово в искусстве. Я мечтаю снять фильм о его жизненном пути...

Мед Хондо, кинорежиссер (Мавритания):

— Маяковский живет сегодня в борющемся киноискусстве мира, в его свободоловном духе. Может быть, и нельзя говорить о прямом влиянии его на того или иного художника, но он дорог каждому, кто служит своим искусством социальному прогрессу, кто думает о влиянии на массы людей. Искусство и политика — неразделимы. Это блестяще доказал своим творчеством Маяковский. Мне говорили, что в моей картине «Вест-Индия» есть некое сходство с поэмой «Мистерия-буфф», где все пассажиры ковчега были разделены на пары «чистых» и «нечистых». Наверное, сходство — случайное, но я рад этому созвучию с великим поэтом. Оно отвечает моей душе!

Каэдзу Ямада, деятель кино (Япония):

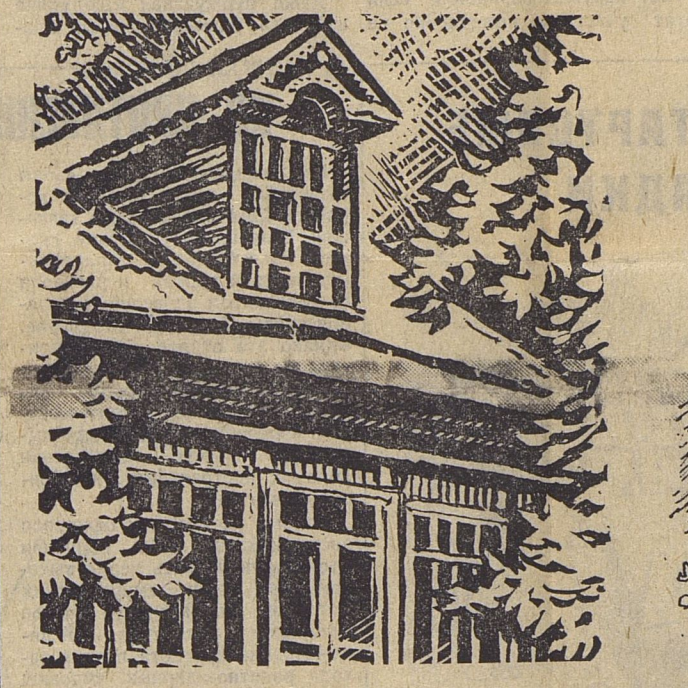
— Маяковский хорошо известен в нашей стране. Издан трехтомник его произведений, все поэмы, только что вышла отдельная книжка «Владимир Ильич Ленин». На сценах ведущих театров шли «Мистерия-буфф», «Клоп»...

Для меня поэзия Маяковского стала близкой и дорогой через поэтику кино Эйзенштейна. Поэмы Маяковского и фильмы Эйзенштейна имеют общую основу. Это — страстная вера в революцию, страстная вера в социализм. Оба они революционеры в искусстве.

В последнее время усилился интерес японского молодежи к советскому искусству и, в частности, к творчеству Маяковского. Осенью прошлого года большая экспедиция «Искусство и революция», где были и плакаты Маяковского, организована Японским национальным музеем. Недавно состоялся показ классических советских фильмов, и я включил в его программу фильм Маяковского «Барышня и хулиган». Ведь он был не только великим поэтом, но и талантливым кинематографом.

Петр КОСОЛАПОВ.

В оформлении полосы использованы рисунки В. Маяковского.

г. Пушкино, Акулова гора. В этом доме жил и работал Маяковский; памятник поэту.

Рисунки А. Михайлова.

СВЕТИТЬ ВСЕГДА!

Акулова гора... Тщетно было бы искать ее название даже на самой подробной географической карте. Между тем такая гора есть, и о ней знают любители поэзии во всем мире. Сюда едут не только из Москвы, Ленинграда, Киева, но и из самых дальних городов. Прославил эту суббугу «местную точку» Владимир Маяковский:

Пригорок Пушкино горбил
Акулову гору,
а низ горы —
деревень был,
кривился крыш корою...

Эта совсем небольшая деревенька Подмосковья составила особую, весьма примечательную страницу в творчестве поэта. Именно тут он написал широко известные произведения «Необычайное приключение», бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» и «Юбилейное».

Мне давно хотелось побывать здесь, увидеть природу, краски волшебных закатов, вдохновивших поэта на дерзновенное желание — поговорить с самим солнцем. От станции Пушкино до Акуловки мне показался первый встречный. Издалека увидел памятник поэту.

Он стоит на самой вершине Акуловой горы перед домом, в котором жил Маяковский. Подойдя ближе, я увидел у памятника незабудки — любимые цветы поэта... Выбитые на медной доске, прикрепленной к стене дома, слова говорят, что тут, в бывшей даче Вячеславова, Владимир Владимирович жил и работал летом 1921—1922 годов. Надпись на двери сообщила о часах работы «Библиотеки-музея В. В. Маяковского».

В доме меня встретили работницы библиотеки М. П. Колосова и Н. Д. Иванова. В их рассказе слилось и прочитанное, и услышанное от старожилов. Тут я узнал, что дачи, в которой поэт жил в 1920 году, когда он писал «Необычайное приключение», уже нет на Акуловой горе, что она стояла совсем недалеко от дома, где теперь библиотека-музей, их разделяла лишь дорога. Отсюда, с этой горы, поэт и наблюдал пиришество красок утренних рассветов и вечерних зорь. Именно тут он увидел, как:

В сто сорок солнц
Закат пылал...

Когда Маяковский звал все

мировых вместо собственной подписки рисовал Шеня...

Именно с этим четвероном другим, бережно прижимая к груди двумя большими руками, поэт и изображал на широко известной фотографии, снятой на даче Вячеславова в 1921 году. Она висит сейчас в доме на Акуловой горе. К счастью, дом этот внешне сохранился. Этим мы обязаны Анне Ивановне Антоновой, многие годы берегавшей строение и некоторые вещи, которыми пользовался Маяковский.

Почти в прежнем виде осталась комната с двумя окнами. У одного из них, что выходит на террасу, как прежде, стоят два стула и стол с пазухатым дачным самоваром. Евдокия Каронова, готовившая для поэта, вспоминала, что на ее недоумительный вопрос, почему у него «обстановки мало», Владимир Владимирович ответил: «Куда мне ее больше? Вот стол — рисовать и писать, вот кровать — спать, вот два стула — для себя и для друга...»

О жизни и работе поэта оставила воспоминания та же Е. Каронова. Маяковский спал очень мало, свидетельствует она. Часто бывало так, что он писал всю ночь напролет. Придешь к нему утром убирать, а он еще не ложился. Часто спрашивала, легко ли ему дается работа над стихами? Нет, нелегко, отвечал он, очень трудно... Очень неприятно над строчкой, до слез. Ночью просятся спать и пишу нужное слово. Плачу от удовольствия, когда строка наконец «смыслится»...

...Полдня я был на Акуловой горе в обществе двух прекрасных женщин, влюбленных в поэзию Маяковского. Мне не хотелось уходить отсюда еще и потому, что приближавшийся вечер ясного дня обещал редкостное, ни с чем не сравнимое зрелище, которым любовался поэт на этой горе. И вот долгожданная пора: феерический огненный Ярло словно бы зависло над акулоским взгорьем. Затем солнце стало опускаться за вершины деревьев, и в алом его полукруге появились жемчужно-розовые блики... Все было так, как тогда!

Петр КОСОЛАПОВ.

В оформлении полосы использованы рисунки В. Маяковского.

Грузинская ССР. Поселок Маяковский. Дом, где родился поэт.